
Ева Дамиано
ХРАМ
ПЕРВОЗДАННОЙ
ЖАЖДЫ
Там, где жрицы
пробуждают зверей
18+

Ева Дамиано

Храм первозданной жажды

https://litres.ru/74824809
SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы солнце взошло, Храм должен содрогнуться.

Каждую ночь, когда мир замирает в страхе перед вечной тьмой, в этих стенах начинается великое служение. Филомена и её жрицы — единственные, кто способен удержать небо, принося богу жертву, от которой плавится камень.

Здесь нет места стыду, только священный ритм и древняя кровь. Паломники, рискнувшие войти под своды Храма, становятся свидетелями того, как жрицы сплетаются в неистовом ритуале с теми, в ком течет мощь первозданных зверей. Кентавры, минотавры и фавны — они не монстры, они живые орудия рассвета, чья страсть питает жизнь самой Вселенной.

Познать их ритуал — значит увидеть изнанку мироздания, где каждый стон приближает утро, а каждый толчок зверя заставляет кровь бога течь быстрее.

Рассвет требует экстаза. Храм ждет своей паствы.

Ева Дамиано
Храм первозданной жажды

Iana Katkova

Филомена

© Iana Katkova, 2026

Contents

Филомена
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1: ЗОЛОТО И ШЕРСТЬ
ГЛАВА 2: КЕНТАВРЫ И ХМЕЛЬНОЙ ТУМАН
ГЛАВА 3: ТАИНСТВО РАСКРЫТИЯ
ГЛАВА 4: ПАЛОМНИКИ И РИТУАЛ ОБЩЕГО ЧРЕВА
ГЛАВА 5: СОЛНЦЕ И ПЕПЕЛ
ГЛАВА 6: СУМЕРЕЧНЫЙ ПИР
ГЛАВА 7: ТРОН ИЗ ЖИВОЙ ПЛОТИ
ГЛАВА 8: ПРИНОШЕНИЕ СВЕЖЕЙ КРОВИ
ГЛАВА 9: ГАЛОП БЕЗ КОНЦА
ГЛАВА 10: ПЕРЕКРЕСТОК ТЕНЕЙ
ГЛАВА 11: ОМОВЕНИЕ В СЕРЕБРЯНОЙ КУПЕЛИ
ГЛАВА 12: КУЗНИЦА ПЫЛАЮЩИХ СЕРДЕЦ
ГЛАВА 13: КОРОНАЦИЯ ПЕПЛА
ЭПИЛОГ. ВЕЧНОЕ ЦАРСТВО ТЕНИ

ПРОЛОГ

Солнце Эллады, беспощадный золотой тиран, медленно опускалось в объятия Эгейского моря, окрашивая горизонт в цвета перезрелого граната и остывающей меди. В этот час, когда цикады в оливковых рощах замолкали, над скалистым мысом пробуждался Храм Тени.

Белоснежный мрамор колонн, днем сиявший чистотой, в сумерках приобретал багровый, тревожный оттенок. Воздух, еще по-дневному жаркий, начинал густеть, наполняясь тяжелыми испарениями: ароматом мирры, горького полынного дыма и сладостью раздавленного винограда, чей сок бродил прямо под ногами паломников.

В глубине святилища, где обсидиановый пол зеркально отражал пламя факелов, начиналось Великое Служение. Там не было места стыду, ибо в тени Бога стыд сгорал, превращаясь в чистую жажду. Послышался низкий, вибрирующий гул — это запели раковины, возвещая о начале священной ночи. Из темных ниш, отделенных тяжелыми занавесями, стали выходить те, кто населял кошмары и сокровенные фантазии смертных.

Могучие минотавры, чья кожа лоснилась от масел, выступали вперед, их бычьи головы венчали золотые кольца в ноздрях, а из груди вырывался горячий пар. Кентавры, чьи человеческие торсы были бугристыми от мышц, нетерпеливо били копытами по камню, и звук этот разносился эхом, подобно приближающейся грозе. А рядом с ними, суетливые и похотливые, теснились сатиры, чьи козлиные глаза блестели в предвкушении плоти.

И навстречу им выходили девы. Обнаженные, украшенные лишь нитями жемчуга и тонкими цепочками, они двигались в танце, который больше походил на томную судорогу. В этой обители день был лишь прелюдией, а ночь — бес-

конечным ритуалом, где стоны сливались с пением флейт, а тела паломников и жрецов сплетались в единый, пульсирующий узел.

Именно сюда, к подножию этого величественного порока, пришла Филомена.

ГЛАВА 1: ЗОЛОТО И ШЕРСТЬ

Утро Отбора выдалось ослепительным. Филомена стояла в ряду соискательниц у подножия широкой мраморной лестницы. Ветер с моря ласкал её кожу, играя прядями волос, которые ниспадали до самых бедер подобно потоку расплавленного золота. На фоне других девушек — смуглых, крепких, словно высеченных из камня, — Филомена казалась видением из иного мира. Её кожа, еще не знавшая грубых касаний, сияла белизной, а стройное, но сочное тело с высокой грудью и округлыми бедрами заставляло даже стражников храма задерживать на ней взгляд дольше дозволенного.

Она была невинна, но внутри неё, словно запертый зверь, жило необъяснимое влечение к тьме. Ей не терпелось прикоснуться к тому, о чем шептались в её деревне с ужасом и восторгом.

— Тише, сестры, — прошептала верховная наставница, чье лицо скрывала черная вуаль. — Бог желает видеть вашу

готовность. Храм не примет тех, чье чрево холодно, а руки боязливы. Первое испытание — испытание Леса.

Из-за колонн, под резкие, призывные звуки авлосов, выпрыгнули они. Фавны.

Их было пятеро. Полулюди-полукозлы, они принесли с собой запах дикой природы, мускуса и забродившего меда. Их мощные, покрытые густой коричневой шерстью ноги с острыми копытами нетерпеливо топтали землю. Филомена сглотнула, глядя на их лица — человеческие, но искаженные вечной, неутолимой похотью.

Один из них, самый крупный, с загнутыми назад рогами и янтарными глазами, направился прямо к ней. Он не скрывал своего возбуждения: между его мохнатых бедер уже пробуждалась его "флейта" — внушительный, багровый орган, пульсирующий от приливающей крови.

— Юная дева с волосами солнца… — прохрипел фавн, и его голос был похож на хруст сухих веток. — Покажи, как ты умеешь славить господина. Возьми инструмент и начни свою мелодию.

Филомена почувствовала, как колени предательски дрогнули, но не от страха, а от горячей волны, ударившей в низ живота. Она сделала шаг вперед, опускаясь на колени в пыль, смешанную с лепестками роз. Перед её лицом оказался этот символ животной силы, тяжелый и горячий.

Вокруг другие девушки уже стонали, прижатые к колоннам или поваленные на траву, но Филомена видела только

его. Она протянула тонкие, дрожащие пальцы к грубой плоти фавна, ощущая, как он дернулся от её прикосновения.

— Играй, дитя, — рыкнул он, запуская когтистую пятерню в её золотые локоны и пригибая её голову ниже. — Позволь нам услышать песнь твоего рта, прежде чем мы наполним твое чрево вином и семенем.

Пальцы Филомены, тонкие и бледные, сомкнулись вокруг горячей, до предела налитой плоти фавна. Кожа его "флейты" была удивительной: на ощупь она напоминала дорогой, разогретый на солнце пергамент или гладкий шелк, под которым перекатывались тугие жилы, полные первобытной мощи.

Запах ударил в голову сильнее, чем неразбавленное вино. Это был аромат дикого леса после грозы, смешанный с терпким мускусом зверя и сладостью храмовых масел. Филомена преклонила голову, и её золотые волосы рассыпались по волосатым бедрам сатира, создавая невообразимый контраст между божественным светом и животной тьмой.

Когда её губы впервые коснулись влажной головки, она вздрогнула. Вкус был солоноватым, густым, с металлическим привкусом пробужденной силы. Она не чувствовала унижения — только экстаз причастности к чему-то огромному.

"Это всё для Него", — билась в её висках ритмичная мысль, пока она медленно, дюйм за дюймом, принимала в себя эту плоть. — *"Каждое движение, каждое прикоснове-*

ние языка — это жертва. Чтобы мир не погрузился в вечный холод, чтобы великое светило вновь выкатилось из-за горизонта, я должна согреть эту тьму своим теплом".

Фавн сверху издал утробный рык, его копыта выбивали дробь по мрамору, а рука, вплетенная в её волосы, сжалась крепче, направляя её движения. Филомена чувствовала, как её собственное тело отзывается на эту грубость: внутри неё разливался жар, требующий большего. Она начала исследовать его смелее, обвивая губами гладкий ствол, лаская языком неровности и чувствуя, как существо над ней содрогается от каждого её вдоха.

Вокруг неё воздух полнился звуками: тяжелым дыханием других сатиров, всхлипами дев и ритмичными ударами тел о камни. Дым от ритуальных костров смешивался с испарениями тел, создавая плотную, пьянящую завесу.

— Да, золотая дева… — простонал фавн, подаваясь вперед, заставляя её принять его еще глубже. — Твой рот сладок, как нектар, но готов ли твой храм принять подношение?

Филомена подняла на него глаза, затуманенные страстью. В этот момент она была готова на всё. Она знала, что за этим испытанием последуют другие — кентавры с их необузданной мощью и минотавры, чьи объятия подобны стальному капкану. Но сейчас, в лучах полуденного солнца, она приносила свою первую жертву, и вкус этой жертвы был самым прекрасным, что она когда-либо познавала.

Она ласкала его, представляя, как её старания превраща-

ются в искры будущего рассвета, и чем порочнее становился ритуал, тем священнее он казался её невинной, но жаждущей душе.

Фавн больше не мог сдерживать дикую пляску своей крови. Его пальцы, запутавшиеся в золотом шелке волос Филомены, потянули её вверх, заставляя подняться с колен. Он прижал её спиной к холодной, щербатой колонне храма, и этот контраст — ледяной мрамор и обжигающий жар мужской плоти — заставил её вскрикнуть.

— Твоя готовность велика, дева, но рот — лишь преддверие, — прохрипел он, его желтые глаза горели первобытным огнем.

Он бесцеремонно подхватил её под бедра, заставляя Филомену обвить его мощный торс ногами. Она почувствовала жесткую шерсть, колючую и пахнущую зверем, которая касалась её нежной кожи. Филомена откинула голову назад, её шея выгнулась, открывая взору бездонную синеву неба. Она видела, как над храмом кружат ястребы, и ей казалось, что она сама сейчас взлетит, подхваченная вихрем этой безумной молитвы.

— Смотри на меня! — приказал второй фавн, подошедший сбоку. Он был ниже, но шире в плечах, с короткими острыми рожками. В его руках была чаша с густым, темным вином, в котором плавали лепестки дикого мака.

Он поднес чашу к её губам, и когда Филомена сделала глоток, вино оказалось нектарно-сладким и одновременно горь-

ким, как кровь. Оно потекло по её подбородку, окрашивая белую грудь багряными ручьями. Фавн, держащий её, жадно слизывал капли с её кожи, пока второй начал ласкать её бедра, подготавливая узкое, невинное лоно к первому вторжению.

— Чтобы солнце взошло… — прошептала Филомена, когда первый толчок заставил её мир взорваться мириадами искр.

Это не было похоже на человеческую близость. Это была мощь самой земли, грубая и неотвратимая. Филомена чувствовала каждую жилку, каждый бугорок налитой плоти сатира, которая теперь заполняла её, растягивая и подчиняя. Она впилась ногтями в его мускулистые плечи, кусая губы, чтобы не закричать, но из её груди вырывался лишь тягучий, гортанный стон, сливающийся с ритмом ритуальных барабанов, что начали бить где-то в глубине святилища.

Второй фавн не оставался в стороне. Он зашел сзади, его горячее дыхание обжигало её ухо, а руки, грубые и мозолистые, жадно сминали её сочные груди, дразня соски, ставшие твердыми, как жемчужины.

— Пей нашу силу, дева, — шептали они в унисон. — Наполняйся тьмой, чтобы нести свет.

Филомена чувствовала себя сосудом, в который вливают жидкое золото и расплавленный свинец. Она видела, как другие соискательницы рядом проходят через то же самое: кто-то плакал от сладостной муки, кто-то смеялся в экстазе,

отдаваясь во власть козлоногих слуг.

Воздух дрожал от зноя и стонов. Ритуальный огонь в огромных бронзовых треножниках уже начали разжигать, хотя солнце еще не зашло. Сизый дым, пропитанный опиумом и серой, пополз по ступеням, окутывая сплетенные тела.

В какой-то момент Филомена потеряла счет времени и ласкам. Она чувствовала, как её наполняют снова и снова, как меняются руки, губы и тела. Фавны были неутомимы, их “флейты” казались бесконечными источниками священного сока. Когда же наступил пик, и горячая волна их приношения хлынула внутрь неё, Филомена почувствовала, что её душа на мгновение покинула тело, взмыв к самому куполу храма, где в тени карнизов уже затаились более крупные, более грозные тени.

Она была принята. Первое испытание оставило на её коже красные отметины и аромат дикого леса, но в её глазах теперь светилось знание.

— Она готова, — произнес голос верховной наставницы, прорезая дымку её беспамятства. — Омойте её маслом и ведите к источнику. Кентавры ждут своей очереди у алтаря Ночи.

Филомену, обессиленную, но торжествующую, подхватили под руки другие жрицы. Теперь её путь лежал во внутренние покои, где солнце никогда не касалось пола, а запахи становились еще тяжелее и порочнее. Служение только на-

чиналось.

ГЛАВА 2: КЕНТАВРЫ И ХМЕЛЬНОЙ ТУМАН

После дикого и яростного Испытания Леса, дневной зной начал медленно угасать, сменяясь тем самым “тягучим” временем, когда тени удлиняются и кажутся живыми. Филомену вели по внутренним галереям храма. Её ноги, всё еще дрожащие после ласк фавнов, ступали по прохладному мрамору, а капли вина и соков, смешанные с пылью священной рощи, подсыхали на её коже золотистой коркой.

Жрицы-наставницы завели её в зал Омовений. Здесь не было солнечного света — лишь мерцание масляных ламп, плавающих в широких чашах с водой.

— Очисти тело, но сохрани в себе жар, — прошептала одна из жриц, поливая плечи Филомены густым, ароматным маслом сандала и жасмина.

Руки жриц действовали умело. Они использовали специальные скребки из слоновой кости, чтобы снять грязь, а затем втирали в кожу Филомены составы, которые заставляли её поры раскрываться, а чувства — обостряться до предела. Её золотые волосы были промыты настоем лотоса и расчесаны так, что они сияли даже в полумраке, окутывая её стройное тело драгоценным плащом.

— Теперь ты пахнешь как подношение, — сказала наставница, поднося к её губам небольшой кусок темного, горького меда, смешанного с пыльцой растений, вызывающих видения. — Ешь. Кентавры не любят робких. Чтобы укротить их мощь, ты должна стать самой страстью.

Когда тяжелые бронзовые двери, ведущие во внутренний двор — Гипподром Тени — распахнулись, Филомена замерла. Это место было засыпано мягким белым песком, который в сумерках казался пеплом.

Их было трое. Кентавры.

Они были колоссальны. Если фавны олицетворяли игривую похоть леса, то эти существа были воплощением необузданной, сокрушительной силы. Нижние части их тел принадлежали могучим жеребцам вороной и гнедой масти, с лоснящимися боками и тяжелыми хвостами, которые нетерпеливо хлестали по крупам. Человеческие торсы, вырастающие из конских плеч, были покрыты шрамами и ритуальными татуировками.

Самый крупный из них, с торсом, темным как эбеновое дерево, и гривой волос, запледенных в жесткие косы, медленно пошел навстречу Филомене. Глухой стук его копыт о песок отдавался вибрацией в её груди.

— Золотая кобылица… — пророкотал он. Его голос был подобен камнепаду в горах. — Фавны лишь раздразнили твой аппетит. Но сможешь ли ты выдержать вес того, кто рожден для бега и битвы?

Он подошел вплотную. Филомена едва доставала макушкой до места, где его человеческая плоть соединялась с лошадиной. Он пах горячим конским потом, кожей и сухими травами прерии. Его “орудие”, скрытое до этого под животом, начало выходить из кожаных ножен — огромное, темное, дымящееся на прохладном воздухе, оно казалось инструментом для богов, а не для хрупкой девы.

Кентавр схватил её за талию. Его ладони были такими огромными, что почти смыкались на её животе. Он легко поднял её, словно она была перышком, и посадил на свой широкий конский круп, спиной к своему человеческому торсу.

— Держись за меня, дева, — приказал он, и прежде чем она успела вдохнуть, он сорвался в галоп по кругу двора.

Это было безумие. Ветер свистел в ушах Филомены, её золотые волосы развевались, а кожа терлась о грубую шкуру кентавра. Это был ритуал “Дикой Скачки”. Она должна была удержаться на нем, в то время как другие кентавры преследовали их, касаясь её бедер и груди на скаку, проверяя её выносливость.

Ритм скачки пробуждал в ней что-то древнее. Горький мед начал действовать: мир вокруг стал текучим, цвета — сверхъестественно яркими. Когда кентавр резко остановился в центре двора, Филомена была уже в полуобморочном восторге.

Он спустил её на песок и прижал к своему боку.

— Ты не упала. Теперь ты получишь свою награду и принесешь свою долю тени, — он повалил её на мягкий песок, нависая сверху всей своей массой.

Филомена видела над собой его человеческое лицо, искаженное властным желанием, и чувствовала, как к её бедрам прижимается нечто настолько внушительное, что дыхание перехватило. Она широко развела ноги, погружая пальцы в белый песок, и закрыла глаза.

"Ради рассвета…" — пронеслось в её угасающем сознании, прежде чем чудовищная, но божественная сила кентавра начала свое медленное, неумолимое проникновение, заставляя стены храма содрогаться от её первого, по-настоящему глубокого стона. Это было испытание не только плоти, но и духа. Кентавр не знал нежности фавнов; его движения были мерными и сокрушительными, словно удары кузнечного молота о раскаленную сталь. Филомена чувствовала, как её таз буквально вжимается в песок под тяжестью этого исполина. Каждый толчок отдавался во всем теле, заставляя её золотые волосы разметаться по белому песку, словно лучи заходящего солнца.

Второй кентавр, масти темного шоколада, опустился перед её лицом на колени своих мощных передних ног. Его человеческий торс навис над ней, заслоняя остатки света.

— Пей, — коротко бросил он, поднося к её губам новый мех с вином, густым и терпким, от которого язык немел, а чувства обострялись до болезненного блеска.

Филомена пила, захлебываясь, чувствуя, как струйки вина стекают по её шее к груди, где их тут же слизывал кентавр. Она была зажата между ними — между первобытной силой земли и неукротимым напором зверя. Её тело, казавшееся таким хрупким, на удивление легко принимало эту мощь. Она чувствовала, как внутри неё пробуждается ответный ритм — тягучий, как мед, и горячий, как огонь алтаря.

— Смотрите, как она жаждет, — пророкотал тот, что был позади, усиливая напор. — В её жилах течет золото, но сердце требует черного огня.

Когда скачка внутри неё достигла предела, Филомена выгнулась дугой. Её стон, высокий и чистый, взлетел к куполу храма, смешиваясь с ржанием коней и тяжелым дыханием мужчин-зверей. В этот момент она больше не была просто девушкой из деревни — она стала частью великого механизма ночи. Жар, хлынувший в неё, казался жидким пламенем, закрепляющим её обет.

ГЛАВА 3: ТАИНСТВО РАСКРЫТИЯ

Ночь окончательно поглотила Храм Тени, превратив его в монолитный обсидиановый пик, вонзающийся в усыпанное звездами небо. Внутренние покои, скрытые от посторонних глаз за тяжелыми завесами из бычьей шкуры, наполнились

особым, душным жаром. После буйства кентавров и неистовой скачки под открытым небом, Филомену ввели в залы Подготовки, где время замирало, а плоть превращалась в податливый воск.

Воздух здесь был напоен ароматами, которые не встретишь в мире живых: густой, почти животный запах мускуса смешивался с едким дымом черного лотоса. Филомену уложили на широкий алтарь из разогретого розового мрамора. Она чувствовала, как камень отдает ей свое тепло, расслабляя мышцы, всё еще хранящие память о жесткой шерсти зверолюдей. Над ней склонились жрицы-наставницы, чьи лица были скрыты масками из черного дерева, оставляя видимыми лишь холодные, сосредоточенные глаза.

Ритуал начался с очищения и пробуждения каждой поры её сочного тела. Жрицы не использовали воду; они омывали Филомену густым, тягучим маслом, в котором настаивались жгучие травы южных островов и эссенция морских гадов. Когда ладони наставниц, обученные искусству пробуждать самую глубокую истому, скользнули по её груди и бедрам, Филомена вздрогнула. Кожу обжег сначала ледяной холод, а следом — невыносимый, зудящий жар. Кровь прилила к поверхности её тела, окрашивая нежную белизну в цвет зари, а соски, тронутые мазью из опийного мака, стали чувствительными до боли, набухая и темнея, словно спелые ягоды.

Затем наступил черед инструментов, призванных расширить пределы её невинного естества. Одна из жриц извлек-

ла из ларца гладкий, идеально отполированный жезл из темно-зеленого нефрита. Камень был холодным, но когда его, обильно смазав соком дикого алоэ, начали медленно вводить в лоно Филомены, она почувствовала, как её нутро наполняется властной тяжестью. Этот холод усмирял внутренний пожар, но одновременно создавал невыносимое чувство полноты. Следом за нефритом внутрь были помещены крошечные полые сферы из чистого золота, внутри которых при каждом вздохе перекатывались дробинки. Малейшее движение Филомены, даже дрожь её ресниц, вызывало внутри неё тонкую, изнуряющую вибрацию, превращая ожидание в сладкую пытку.

Чтобы подчеркнуть округлость её бедер и высокую линию груди, жрицы использовали алые шелковые нити. Они перетягивали её тело, слегка врезаясь в податливую плоть, создавая рельеф, манящий и порочный. Филомена чувствовала себя связанной жертвой, чья единственная цель — быть поглощенной. Под стол, на котором она лежала, поставили серебряную курильницу. Тонкие струйки сладкого, дурманящего дыма поднимались вверх, окутывая её бедра и проникая в самые сокровенные складки тела, пропитывая её ароматом, на который паломники и минотавры слетались бы, словно ночные бабочки на огонь.

В завершение наставница поднесла к её губам кубок из черепа, инкрустированный серебром. Напиток внутри был вязким, иссиня-черным и на вкус напоминал одновремен-

но горький мед и старую кровь. С первым же глотком мир вокруг Филомены окончательно потерял четкие очертания. Звуки храма — отдаленные стоны, удары копыт, звон флейт — стали звучать внутри её собственной головы. Золотые волосы, расчесанные и умасленные до зеркального блеска, рассыпались по мрамору, а в глазах девы зажегся тот самый томный, отсутствующий блеск, который отличает жрицу от простой женщины.

На её щиколотки надели тяжелые золотые обручи с крошечными колокольчиками. Теперь каждое её движение сопровождалось призывным, хрустальным перезвоном. Поддерживаемая под руки жрицами, Филомена, шатаясь от избытка чувств и действия дурмана, пошла к выходу в главный зал. Она была готова. Её тело, подготовленное, раскрытое и напоенное священными ядами, жаждало лишь одного — чтобы ритуальный огонь этой ночи наконец коснулся её, превращая её золото в пепел во славу Темного Бога.

Когда тяжелые завесы из черной кожи раздвинулись, Филомена ступила в главный зал Храма, и звон колокольчиков на её щиколотках разрезал густую тишину, подобно удару хлыста. Зал казался бесконечным лесом из порфировых колонн, в тени которых мерцали сотни голодных глаз. Воздух здесь был еще тяжелее: к ароматам благовоний примешивался резкий запах мужского возбуждения и ожидания.

Филомена шла медленно, её походка была плывучей, почти неверной. Золотые сферы внутри неё отзывались на каж-

дый шаг тонкой, изнуряющей вибрацией, поддерживая её в состоянии постоянного, неослабевающего пика. Взгляд её, затуманенный черным лотосом, блуждал по толпе паломников, которые расступались перед ней, словно волны перед носом корабля.

Мужчины были повсюду, и каждый из них был воплощением иной грани силы.

Справа стоял воин-спартанец, чье тело было покрыто старыми шрамами, а кожа казалась выдубленной солнцем и ветром. На нем не было ничего, кроме короткого красного плаща и кожаной перевязи. Его мышцы были подобны узловатым корням древнего дуба, а взгляд — прямой и жесткий — обещал суровую, лишенную изысков страсть. *"Этот будет брать меня долго и неумолимо, как осаждаемую крепость"*, — лениво подумала Филомена, и жар в её животе стал еще гуще.

Чуть дальше, в тени колонны, затаился финикийский купец в одеждах из тончайшего виссона. Его руки были унизаны перстнями, а холеное лицо лоснилось от изысканных масел. Он пах пряностями далеких земель и холодным золотом. Его вожделение было иного рода — он смотрел на Филомену как на драгоценный товар, который он жаждал подчинить своей воле, исследовать каждый изгиб её сочного тела с жадностью коллекционера.

Но больше всего её манили те, кто стоял на границе света и тени.

Группа минотавров — исполинов с бычьими головами — возвышалась над толпой. Их дыхание вырывалось из ноздрей густыми облаками пара, а тяжелые золотые цепи, украшавшие их рога, звенели в такт их нетерпеливому перетаптыванию. Один из них, с кожей цвета ночи, смотрел прямо на неё. Его грудь, широкая, как наковальня, медленно вздымалась. Филомена чувствовала, как её влечет к этой звериной мощи, к обещанию грубого, первобытного экстаза, который выжжет в ней всё человеческое.

"Кому из них я позволю сорвать шелковые нити с моих бедер?" — думала она, ощущая, как внутри неё пульсирует ритм золотых сфер. — *"Воину с его дисциплинированной яростью? Купцу с его изощренным пороком? Или зверю, чей стон заглушит пение флейт?"*

Она остановилась в центре зала, где в огромном бронзовом треножнике билось пламя. Блеск огня играл на её золотых волосах и мерцающей коже. Филомена медленно подняла руки, позволяя прозрачной ткани соскользнуть с её плеч, обнажая сочную, высокую грудь с алеющими сосками. Она была не просто девушкой — она была искушением, сотворенным из плоти и масла.

— Я — ваша чаша, — произнесла она, и её голос, низкий и тягучий от дурмана, разнесся по залу. — Наполните меня вашим огнем, чтобы Темный Бог принял эту жертву.

Мужчины качнулись вперед, как единый организм. Воздух в зале, казалось, воспламенился. Филомена закрыла гла-

за, подставляя лицо жару огня, и сделала первый шаг навстречу воину, чьи грубые пальцы уже тянулись к её золотым локонам, готовые начать эту бесконечную, тягучую ночь ритуала.

Воин не стал дожидаться позволения. Его ладонь, грубая и горячая, сжала затылок Филомены, заставляя её запрокинуть голову. Запах металла, пота и старой кожи ударил в нос, смешиваясь с дурманом лотоса. Он прильнул к её губам в поцелуе, который больше походил на попытку выпить её душу, а его свободная рука бесцеремонно скользнула вниз, проверяя натяжение шелковых нитей на её бедрах.

— Твоё золото слишком ярко светит в этой тени, дева, — прохрипел он ей в самые губы. — Я заставлю его потемнеть.

Он рывком развернул её спиной к себе, прижимая к своему твердому, как доспех, телу. Филомена вскрикнула, когда почувствовала, как нож воина — короткий бронзовый клинок — скользнул по её бедру, не касаясь кожи, но перерезая одну за другой алые нити. С каждым лопнувшим узлом её плоть словно вздыхала, освобождаясь, а золотые сферы внутри отзывались неистовым звоном на эту резкость.

Но воин был не один. Финикийский купец подошел спереди, его перстни холодили её разогретую кожу. Он не спешил; его пальцы, пахнущие корицей, начали медленно втирать еще больше масла в её сочные груди, заставляя их блестеть в свете факелов.

— Воин возьмет твою силу, — вкрадчиво шептал купец,

глядя в её расширенные зрачки. — Но я возьму твой вкус.

Филомена оказалась в тисках между дисциплинированным напором и изощренной лаской. Она чувствовала, как воин сзади уже освободил свою плоть — тяжелую, горячую и пульсирующую, — и начал настойчиво требовать входа, в то время как купец опустился перед ней на колени, раздвигая её бедра руками в золотых браслетах.

В этот момент тени у дальних колонн зашевелились. Огромный минотавр, чей взор Филомена поймала ранее, издал низкий, вибрирующий рокот. Он не приближался, но его присутствие давило на зал, как грозовая туча. Другие паломники расступались, понимая, что главная жатва этой ночи принадлежит не только людям.

Филомена чувствовала себя натянутой струной. Каждое движение воина внутри неё было подобно удару тарана, заставляя её колокольчики на щиколотках захлебываться в безумном ритме. Купец же, проявляя истинно восточное коварство, использовал свои ласки так, что Филомена теряла связь с реальностью. Она видела, как своды храма начинают плавиться, превращаясь в золотой туман.

— Ещё… — выдохнула она, впиваясь ногтями в мускулистые предплечья воина. — Во имя Бога… больше…

Её тело стало полем битвы. Она принимала их обоих, чувствуя, как внутри неё сталкиваются разные стихии: ярость битвы и холодный расчет наслаждения. Но её взгляд всё равно возвращался к минотавру. Она видела его мощный бычий

лоб, его рога, окованные черным железом, и понимала: то, что происходит сейчас — лишь прелюдия. Настоящая тьма, способная насытить её пробужденную жажду, еще не коснулась её.

Дым в зале становился всё гуще, скрывая детали, оставляя лишь сплетение тел, блеск пота и бесконечный, тягучий стон, который теперь не утихал ни на мгновение. Филомена чувствовала, как первая волна экстаза начинает подкатывать к горлу, горькая и сладкая, как то самое вино, и она знала — когда эта волна схлынет, на её месте останется лишь пустота, которую сможет заполнить только сам Темный Бог.

Волна наслаждения, пущенная умелыми руками купца и мощными толчками воина, наконец захлестнула Филомену. Она выгнулась, её пальцы судорожно впились в плечи воина, а из горла вырвался долгий, захлебывающийся крик, который тут же потонул в низком гуле храмовых труб. Золотые сферы внутри неё вибрировали так неистово, что казалось, само её естество превратилось в чистую, звенящую энергию.

Но стоило её телу обмякнуть в руках мужчин, как тяжелая тень, доселе неподвижная, пришла в движение.

Минотавр.

Он шагнул в круг света, и толпа паломников испуганно отхлынула. Это был колосс, чья кожа имела оттенок мокрой земли и старой крови. Его бычья голова, увенчанная массивными, загнутыми вперед рогами, медленно опустилась, втягивая воздух ноздрями, из которых вырывались струйки бе-

лого пара. Когда он приблизился, Филомена почувствовала запах, который не шёл ни в какое сравнение с духами купца или потом воина: это был запах сырого мяса, дикой ярости и вечности.

Воин и купец, подчиняясь негласному закону Храма, неохотно отступили в тень. Теперь она принадлежала Зверю.

Минотавр не использовал нежных слов. Его огромная рука, покрытая жестким ворсом, обхватила талию Филомены. Его пальцы были длинными и сильными, как железные обручи; он поднял её, словно тряпичную куклу, и прижал к своей широкой, вздымающейся груди. Филомена почувствовала, как её сочные груди сплющились о его мускулистый торс, а золотые волосы запутались в его грубой гриве.

— Ты пахнешь как жертва, за которую стоит убивать, — пророкотал минотавр. Звук его голоса был таким низким, что кости Филомены задрожали.

Он усадил её на край обсидианового алтаря, широко раздвинув её бедра своими коленями. Филомена, всё ещё хмельная от дурмана и предыдущих ласк, смотрела на него снизу вверх. Её зрачки были расширены настолько, что почти скрывали радужку. В этом полумраке минотавр казался ей не монстром, а земным воплощением того самого Бога, которому она поклялась служить.

Между его ног пробуждалось нечто чудовищное. Его “флейта” была огромной, темной и горячей, как свежевыкованный меч. Когда он коснулся ею её бедра, Филомена

вскрикнула от неожиданности — плоть была твердой и пульсировала с такой силой, будто в ней билось второе сердце.

— Покажи мне своё искусство, златовласая, — рыкнул минотавр, хватая её за шею и заставляя смотреть в свои янтарные, лишенные человеческой жалости глаза. — Заставь меня поверить, что ты достойна провести эту ночь в покоях самого Господина.

Филомена, ведомая инстинктом и жаром, который больше не давал ей покоя, потянулась вперед. Её губы, распухшие и алые, коснулись грубой кожи Зверя. Она начала исследовать его, двигаясь медленно, дюйм за дюймом, чувствуя, как внутри неё снова просыпается та самая тягучая жажда.

Дым от чаш с опиумом окутал их двоих, создавая кокон, внутри которого существовали только золото её волос и тьма его шкуры. Вокруг продолжались ритуалы, слышались удары кнутов и стоны других дев, но для Филомены мир сузился до этого момента. Она знала: если она выдержит минотавра, если она сможет обуздать эту первобытную мощь своим телом, то ворота в самую глубину Храма — туда, где ждет Темный Бог — откроются для неё навсегда.

И она начала “играть” на этом темном, грозном инструменте, вкладывая в каждое движение всю ту страсть, которую копила годами, пока солнце за стенами Храма медленно готовилось к своему самому трудному восходу.

Минотавр возвышался над ней, как живая гора из мышц и ярости, но он был не единственным, кто жаждал её в этот

час. Пока Филомена, охваченная фанатичным экстазом, ласкала губами его горячую, пульсирующую плоть, из густого дыма за её спиной соткалась новая тень.

Это был верховный жрец культа — мужчина с тонкими, почти женственными чертами лица, но с глазами, в которых застыла холодная бездна. Его руки, облаченные в тонкие перчатки из кожи ягненка, пахли бальзамом для погребения. Он не произнес ни слова, но его присутствие заставило Филомену содрогнуться от нового, неведомого ранее трепета.

— Минотавр требует полного подчинения, дитя, — прошелестел его голос над самым её ухом, пока она продолжала свою игру на "флейте" монстра. — Но врата его царства узки. Я помогу тебе раскрыть их.

Пока Филомена чувствовала во рту солоноватый вкус и жар звериной силы, пальцы жреца начали свою работу сзади. Он не знал спешки. Сначала он обильно смазал её "тайный вход" густым, как смола, маслом черного трюфеля, которое вызывало мгновенный прилив крови и легкое онемение. Филомена выгнулась, её зубы невольно сжались на плоти минотавра, вызвав у того утробный, одобрительный рык.

Жрец начал медленно, по миллиметру, растягивать её самое сокровенное и запретное место. Он использовал для этого гладкие шарики из обсидиана, соединенные тонкой золотой цепочкой. Один за другим они исчезали в ней, создавая внутри ощущение распирающей тяжести, которая странным образом отзывалась острым удовольствием в её груди.

Филомена оказалась в тисках чистейшего порока. Спереди — необузданная мощь зверя, чей мускус кружил голову и заставлял легкие гореть; сзади — холодная, методичная подготовка жреца, который расширял её пределы, готовя место для сокрушительного вторжения минотавра.

Золотые сферы, помещенные в неё ранее, теперь сталкивались с обсидиановыми шарами жреца, создавая внутри её тела симфонию вибраций. Филомена чувствовала себя музыкальным инструментом, на котором играли сразу два мастера — один грубый и стихийный, другой — расчетливый и темный.

— Да… — простонала она, не отрываясь от минотавра, и её голос утонул в его густой гриве.

Дым лотоса стал настолько плотным, что она едва видела свои руки. Она чувствовала, как жрец за её спиной вытягивает цепочку, заставляя обсидиан перекатываться внутри неё, раздражая каждый нерв, в то время как минотавр, потеряв терпение, схватил её за бедра и начал разворачивать. Его глаза горели янтарным огнем — он видел, что работа жреца завершена. “Тайный вход” был подготовлен, сияя от масел и растяжения, готовый принять то, что не предназначалось для смертных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.